

Зоя Рентова

Вишневое или малиновое?

I

Уже несколько дней Кэтрин Стрим не покидало плохое предчувствие и странное беспокойство. У нее всегда была хорошо развита интуиция, и сейчас женщине казалось, что она даже знает, с кем должно случиться что-то плохое.

Кэтрин осторожно вошла в комнату дочери. На балкон можно было выйти только через комнату Дженны, и Кэтрин иногда приходилось беспокоить ее. Проходя мимо кровати спящей дочери, женщина невольно вздрогнула. Ей вдруг вспомнилось, как несколько дней назад она точно так же шла и точно так же заглянула на девочку. Над правой бровью у Дженны был небольшой шрам, просто вертикальная ссадина, не больше, но в то утро он казался большим, похожим скорее на дыру. Волосы Дженны были отброшены со лба, и Кэтрин вдруг показалось, что с другой стороны лба, симметрично к первому шраму, у Дженны был еще один, точно такой же, похожий на страшную рану. Безусловно, это была всего лишь игра света и тени, и когда Кэтрин подошла ближе, иллюзия рассеялась, но все равно это было страшно. Конечно, через пару недель, а может даже и дней, она будет смеяться со своих страхов, но тогда ей стало действительно нехорошо.

Один миг она боялась увидеть то же, что и тогда, но все было хорошо. Дженна спала на боку, положив руку под голову. Шрам на правой стороне лба было видно, но он был только маленькой вертикальной черточкой, какой и должен был быть. Левая сторона лба была чиста. Вот только Дженна выглядела очень бледной и под ее опущенными густыми черными ресницами притаились серые тени. Возможно, бледной ее делал контраст кожи и волос.

А еще Кэтрин думала, что этими мыслями она просто пытается заставить замолчать свой внутренний голос, вопиющий о том, что что-то не так, что-то не хорошо, и требующий, чтобы его услышали. На все вопросы Дженна отвечала, что все хорошо, и явных признаков какой-либо болезни у нее не было. В конце концов, бедная девочка всего пару месяцев назад сдала экзамены и, конечно же, волнуется о том, поступит ли.

Да, возможно, в этом вся причина...

Кэтрин медленно отошла от кровати Дженны. Все эти аргументы выглядели реалистично, но на самом деле они ни капли не уменьшили плохое предчувствие Кэтрин. Предчувствие требовало, чтобы его услышали и даже не пытались заткнуть.

Но что же ей делать? Предчувствие об этом молчало.

II

Дженна проснулась. Отголоски очередного ночного кошмара витали над ней, и она хотела открыть глаза, чтобы окончательно убедиться, что она дома, а не в пыльном и заброшенном больничном коридоре, который ей снился. В голове болью отзывался звон какого-то колокольчика и тихий злобный смех. «Вишневое или малиновое?», – прошептал в ее голове незнакомый голос, но наверное принадлежал он тому же, кому и смех.

Дженна резко спохватилась, стряхивая с себя остатки сна, и села в кровати. Согнула ноги в коленях и подтянула их к груди. В комнате должно было быть тепло, лето все-таки, но девушка дрожала от холода. Судорожно натянув на себя одеяло и сидя так в пустой комнате, она вдруг вспомнила кое-что. В голове моментально вспыхнула картинка – вечер (уже не летний, но еще не осенний, хотя по-осеннему грустный и мрачный), большая комната с рядами кроватей, аккуратно застланных персиковыми покрывалами. Восемь кроватей пустовали, на девятой сидела, обняв согнутые колени, девочка лет пятнадцати. Темные прямые волосы спадали ей на плечи и спину. Темно-карие глаза грустно смотрели в одну точку. Она сидела недвижимо, и с каждой минутой пасмурное небо за большими окнами становилось все темнее и темнее.

Это было всего год назад, 31 августа. Дженна три года училась в интернате для детей со слабым зрением (а зрение у нее было действительно чертовски плохое), и ездила в другой город каждый понедельник, жила там пять дней и уезжала домой. В тот вечер она вернулась в школу с летних каникул. Она была почти одна в комнате, не считая еще одной девочки, сироты, но в тот момент она куда-то вышла, и Дженна более получаса сидела одна. Это должен был быть ее последний год, но она была вовсе не рада своему возвращению в это место. Она всего лишь хотела там для себя друга, но чувствовала себя маленькой и растерянной (в пятнадцать лет она все еще во многом была наивным ребенком). Никто ни разу не тронул ее физически, но зато много кто вместо этого пытался добить ее морально. Зачем? Дженна наивно искала ответ на этот вопрос, ведь она не делала никому зла.

В это утро она чувствовала себя так же, хоть и распрощалась со школой.

Маленькая девочка, которая потерялась в каком-то жутком враждебном месте.

«Бред какой. У меня все хорошо», – подумала Дженна, вылезая с кровати.

Надо будет пойти в сквер почитать. Свежий воздух быстро прогонит глупые мысли. А еще... еще ей просто нужно там быть.

III

– Дженна, ты куда-то собираешься? На улице тучи, может, будет дождь...

– Пусть будет, я сразу приду домой, – отстраненно произнесла Дженна, прихлебывая кофе. Она уже была одета для прогулки, и ее сумка лежала возле двери, как терпеливый пес, ожидающий, пока его выведут на прогулку.

– Так куда же ты все-таки идешь?

– В сквер. Читать.

Кэтрин скрыла недовольство и как можно мягче заметила:

– Читать можно и дома.

– Да, но там свежий воздух. Свежий утренний воздух, – хихикнула Дженна, хотя не знала, почему эти слова показались ей знакомыми и поэтому смешными.

- Я что-то волнуюсь, доченька. Может ты сегодня все-таки останешься дома?

- Я бы осталась, но мне нужно немного пространства... да и эти темные круги под глазами... Я давно не выходила на улицу. С этими экзаменами совсем себя запустила.

- Не задерживайся долго. И возьми с собой телефон.

Дженна вдруг вспомнила, как однажды собралась прокататься на велосипеде за городом, и мама точно так же просила взять ее телефон. «Окей, ма, если меня переедет машина, я тебе обязательно позвоню», - заметила тогда Дженна. Конечно, юмор был черным, и мама попросила ее больше так не говорить, но в этот момент девушка опять вспомнила эту фразу.

Допив кофе, она положила телефон в сумку, забросила ее на плечо, ухватила плеер и вышла на улицу. Ветер действительно был прохладным, в воздухе чувствовалась влага. Дженна довольно улыбнулась. Она любила дождь. Даже когда он лился ей прямо на голову.

В плеере бодренький хор напевал: «На-на-на-на, на-на-на-на, хэй-хэй-хэй, проощааай». Песенка была в рок-обработке Axxis, и понравилась Дженне, хоть она и не слушала подобной музыки. Ее любимой группой вот уже пару лет была Blind Guardian, были и остальные, но их она слушала не так охотно и они не выходили за рамки тяжелой музыки.

Дженна даже не помнила, как эта ненавязчивая песенка оказалась у нее на плеере, но она поднимала настроение, и девушка поставила ее на повтор.

В сквере никого не было, кроме парочки, слишком увлеченной друг другом, чтобы обращать внимания на невысокую хрупкую девочку в темном платье. Она села как можно дальше от них и вытащила из сумки книжку. За минуту она выключила плеер и скрылась за обложкой с надписью «Стивен Кинг. Мешок с костями».

Дженна не обращала внимания на то, что происходило вокруг, и не заметила, как ушла парочка, и сквер опустел. Тучи стужались.

Дженна отвлеклась от книги только тогда, когда услышала голос у себя над головой. Она не спешила поднимать голову, так как знала, кому он может принадлежать. Подобные голоса она узнавала сразу. Со всей реплики она поняла только пару слов: «девочка», «магазин», «мороженое». Дженна подняла напуганные глаза на человека и поняла, что не ошиблась в своем предположении.

Перед девушкой стоял высокий худой мужчина в старом, грязном и до невозможности вытертом джинсовом костюме. Серые волосы торчали во все стороны. Контактные линзы обеспечивали Дженне непревзойденную четкость, и девушка видела каждую морщину, полоску грязи, дырку на одежде, светло-серые пустые глаза и щетину. Лучше уже быть близорукой. Она резко захлопнула книжку, не прислушиваясь к его болтовне (да и немного с этого она поняла бы, даже если бы хотела - человек был или пьяным, или сумасшедшим, или и то, и то вместе).

- Извините, я спешу домой, - пробормотала Дженна, скользнула в сторону по лавке и юркнула мимо бездомного.

- Эй, подожди минуту! - вполне внятно крикнул ей вслед бездомный. - Вишневое или малиновое?

Дженна резко оглянулась, в животе ей что-то оборвалось, и она увидела, что мужчина смеется. Смеется над ней, демонстрируя свои почерневшие гнилые зубы. Приятная картина.

На ходу девушка попыталась положить книжку в сумку, но это удалось ей не с первого раза, так как она все время оглядывалась назад, и ее руки почему-то дрожали. Когда она оглянулась в последний раз, мужчины уже не было.

«Успокойся. Успокойся, дура. Все хорошо. Все. Его уже нет. А та фраза... Случайное совпадение. Да и что в ней такого?» - успокаивала она себя, целеустремленно шагая домой.

Ей почти удалось успокоиться и забыть о бездомном, когда уже недалеко от дома она вдруг остановилась. Возле дороги впереди себя Дженна увидела дылду в джинсовом костюме. Он смотрел на дорогу, будто готовясь перейти, но был уже зеленый свет, а он все стоял. Она не знала, что он собирается делать. Не хотела идти навстречу ему, а чтобы перейти дорогу, нужно было, опять же, подойти к дылде. Удостоверившись, что мужчина на нее не смотрит, Дженна свернула в проулок, который должен был вывести ее к речке. Она всем сердцем надеялась, что мистер Вишневое-Или-Малиновое ее не увидит и не пойдет за ней.

Через пять минут Дженна была уже на высоком каменистом берегу речки. Она могла спокойно пройти пару сотен метров, выйти из другого проулка и добраться домой. Но ей вдруг захотелось немного здесь задержаться. Это было любимое место Дженны, но в этом году она не могла часто здесь бывать. Она помнила, как раз, подчиняясь непонятной прихоти, пришла сюда с альбомом под рукой и карандашом в кармане. Она редко рисовала, но в тот день села на камень над рекой с твердой уверенностью, что что-то нарисует. И действительно, через полчаса на бумаге появилось окно, полная луна и стоящая спиной к зрителю девочка. Сначала Дженна хотела нарисовать себя, то есть сделать девочке длинные прямые волосы, но почему-то они получились вьющимися и спутанными. Мало того, какого-то черта она нарисовала возле девочки большого пушистого зверя, но кто это, Дженна сама не могла сказать. Малышка положила руку зверю на шею. Дженна сомневалась, что стоит этот рисунок показывать кому-либо, ведь в нем было что-то странное. Чего уже стоит то, что она сама не могла сказать, кого нарисовала. Просто большое волосатое чудо, которое не может быть ни собакой, ни уж тем более котом (Дженна не хотела думать о том, что нужно сделать с котом, чтобы он вырос до таких размеров). Художникам такие странности прощаются, но ведь Дженна была просто бумагопачкальщицей, как она сама себя называла.

Как и тогда, девушка села на тот камень и немного успокоилась. Она вспомнила, каким чудным и ничем не омраченным было прошлое лето. Не то, что сейчас. Сейчас впереди множество

вопросительных знаков и сплошной туман. Конечно, она имела кое-какие планы, но...

Глаза Дженны напугано расширились, и мысль оборвалась на середине. Людей возле речки не было совсем. Людей не было, зато было нечто, идущее к ней тяжелой поступью. Девушка не могла издать и звука. С одной стороны она была поражена, но в глубине души вовсе не удивилась. Да, где-то в глубине души она знала, что все так будет, и даже ждала этого. Удивленное выражение лица сменилось легкой и немного грустной улыбкой.

К ней подошло удивительное создание. Больше всего оно напомнило Дженне картинку из ее книжки о животных (о, это была ее любимая книга в детстве, сначала она просто рассматривала черно-белые рисунки животных, а потом уже могла и читать о них). Ей сразу вспомнился рисунок странного длинношерстного зверя с массивными лапами и длинной мордой. Под рисунком была надпись «муравьед», но Дженна догадывалась, что перед ней не совсем это. Хотя, какое это имеет значение. Ведь это именно он был изображен и на ее рисунке в альбоме, единственном рисунке в том альбоме, кстати, ведь большей ей так и не удалось ничего нарисовать.

Зверь подошел совсем близко к ней, и Дженна без тени страха (все так, как и должно быть, все правильно) положила руку зверю на шею и начала почесывать его за ухом. В голове вдруг прозвучал голос маленькой девочки, которая сказала:

- Его зовут Антибус... Он ест болезни. Он лечит... И убивает. Он любит, когда его чешут за ухом. Он ужасный... красивый.

Дженна улыбнулась.

«Да, ужасный и красивый. Но с ним не страшно», - отстраненно подумала она.

- Наберись терпения, - вдруг сказал Антибус, не открывая пасти, голос прозвучал будто у Дженны в голове, но вместе с тем был очень реалистичным, и она даже на минуту не задумалась о том, что, возможно, сходит с ума. - Впереди у тебя много боли. Кое-что я смогу предотвратить, кое-что мне предотвращать нельзя. Я помогу тебе, чем смогу. А ты поможешь мне.

- Как?

- Просто не забывай это. Ты все увидишь. Я помогаю тебе, ты помогаешь мне. Таков уговор.

Дженна опустила взгляд на собственные колени, задумавшись о сказанном. Вдруг ее рука, до тех пор лежавшая на шее зверя, провалилась вниз, потеряв опору. Антибуса не было.

Дженна несколько минут посидела на том же камне, сложив руки на коленях. Сначала, сразу после ухода Антибуса, ей было спокойно, но потом она вдруг опять почувствовала себя слабой и беззащитной. И очень напуганной. Страх опять вернулся к ней.

Дженна поймала себя на том, что напевает в полголоса: «На-на-на-на, на-на-на-на, хэй-хэй-хэй, проощаай...» Иногда она прекращала петь и повторяла странную фразу: «Вишневое или малиновое вишневое или малиновое вишневое или малиновое...» Монотонно, как какое-то заклинание.

Наконец-то ей удалось прекратить это безумие и подняться с камня.

С удивлением вдруг почувствовала, что ее волосы и одежда совсем промокли. Шел дождь.

- Вот глупышка, как ты могла этого не заметить... До чего же рассеянная, не зря мама говорила... - сказала Дженна себе. Она так и не успела сообщить, что же говорила мама, потому что уже забыла об этом. Мысли толпились в ее голове, толкаясь и ссорясь между собой. Внезапно она поняла, как это - сходить с ума.

- Я пойду домой, и все это прекратится, - говорила она себе, вздрагивая от холода. - И я никогда больше не пойду в тот сквер.

Насчет последних слов она была права.

Девушка шла на самом краю обрывистого каменистого берега, даже не думая о том, куда идет, просто инстинктивно выбирая дорогу.

Краем глаза она заметила слева от себя темное пятно. Человек. Повернув голову, Дженна увидела улыбку, похожую на те, которые вырезают на тыквах к Хэллоуину. Бездомный в джинсовом костюме демонстрировал ей все великолепие своих желто-черных зубов.

- Вишневое или малиновое? - услышала она.

Дженна попробовала юркнуть в сторону, так же, как сделала это в парке, но в этот раз ей не удалось. Девушка поскользнулась на влажном от дождя камне, и ноги ей подкосились. Она даже не успела справиться с одним заданием - не упасть на колени, когда появилось новое - удержать равновесие над обрывом. Ни с тем, ни с другим, Дженна так и не справилась. Она скользнула вниз, и человек исчез с ее глаз.

- Антибус! - отчаянно крикнула девушка, чувствуя, что падает. Но падала она недолго - ее ударило спиной о выступающий из почти вертикальной поверхности камень, и продолжила сползать вниз, вниз, не находя опоры и отчаянно царапая ногтями мокрые камни. Она уже перестала кричать, только сцепив зубы боролась за жизнь, безуспешно пытаясь найти опору. Потом опять упала - безудержно летела вниз, приближаясь к воде. Она всегда боялась утонуть - чувствовать, как вода заливает глаза, рот, нос, уши, а мокрая тяжелая одежда тянет вниз, боялась задохнуться в ледяных цепких объятьях глубины..

Но она этого не почувствовала.

Последнее, что она увидела - треугольный камень над водой, похожий на спинной плавник акулы. Последнее, что почувствовала - острую боль в голове. Потом - тьму. Брызги крови взлетели в воздух, смешиваясь с каплями дождя. Всплеск.

IV

- Девятнадцатая, девятнадцатая, это госпиталь... Вы на связи? Девятнадцатая, что у вас?!

- Королевский госпиталь, это девятнадцатая, мы на связи. У нас девушка предположительно лет пятнадцати-шестнадцати ... Мальчики, идущие домой, увидели, как она упала с обрыва в реку. Сильное повреждение головы, наверное, ударилась о камень...

Сломана нога. Мы откачали воду с ее легких, но она без сознания... Пульс... Сейчас...

V

Эйбл как раз шел с горкой сложенных одна на другую тарелок, когда к госпиталю подъехала скорая. Он не мог этого видеть, но они с Кристой переглянулись, и Эйбл сказал:

- Девочку привезли.
- Но это хорошо или плохо?
- Это зависит... От нее.

Криста на минуту задумалась. Мысли всегда будто разбегались от нее. Доктор Стетман называл их с братом недоумками, но когда нужно было, правильные слова всегда сами находились в голове Кристи.

- Плохой мальчик попытается найти ее. И если она пойдет за ним, это будет очень плохо.

- Очень-очень плохо для всех в госпитале! – подхватил Эйбл, и они с сестрой захихикали, как будто это была самая веселая вещь в мире.

VI

Доктор Готтрих поднял вверх два инструмента, похожих на толстые металлические спицы, кое-где покрытые пятнышками ржавчины. Этот мальчишка раз посмел напомнить ему о дезинфекции, микробах и прочей чепухе. Чушь! Он достаточно хорошо знает свою работу и может позволить себе пропускать мимо ушей болтовню какого-то мальчика. И как ему только в голову пришло взять себе в качестве ассистента такую бестолочь?!

А правда была в том, что лучшего ассистента, чем Пол, доктору Готтриху сложно было бы найти. Он любил свою работу не менее чем сам доктор, и казалось, был вовсе лишен сомнений и угрызений совести. На самом деле он бы превзошел своего учителя, если бы пережил его. А так он навсегда остался бестолковым подростком. Готтрих привык называть Пола бестолочью, бездарью и лентяем, и за много лет он сам уже в это поверил. Правда, на себялюбие Пола это не влияло совершенно. Доктору Готтриху и в голову не могло прийти, что его ассистента ничто кроме его собственного желания не держит, и на самом деле он может уйти в любую минуту и больше не подчиняться ему. Дело было в том, что пока Полу просто хотелось помогать доктору, ведь ему тоже нравилась их работа.

Сейчас он сидел в Старом Королевстве на одном из операционных столов, и, казалось, о чем-то напряженно думал.

- Пол, ты плохо работаешь, – заявил Готтрих, недовольно покосившись в сторону ассистента. – Почему у меня так долго нет пациентов?

- Пока нет Счетчицы Времени, пациентов у вас и не будет.
- Это еще почему?

- Нет землетрясений, нет черного шума, нет Счетчицы, – растягивая слова, произнес Пол, после каждого аргумента загибая пальцы. – Мы не можем никого убить. Люди в Старое Королевство не попадают.

- Мне нет дела. Ты должен сюда кого-либо привести!

- Даже если будет Счетчица, мы без ее помощи не сможем никого убить! Раньше из-за черного шума проход был открыт почти всегда, но эти сволочи его закрыли, и теперь он будет открываться только во время звона колокольчика. Значит... - Пол рассуждал вслух, уже не обращая внимания на доктора. - Значит, нужно будет заставлять Счетчицу звонить в колокольчик каждый раз, когда нам это будет нужно. Антибус теперь будет управлять всем здесь. Наши дела плохи...

Монолог Пола был прерван завыванием сирены скорой помощи. Звук исходил из динамика в коридоре. Пол поднял голову и прислушался, губы медленно растянулись в широкой улыбке.

- Скоро у нас будут гости.

- Что ты сказал? - переспросил Готтрих, но когда он обернулся к ассистенту, парня на его месте уже не было. Доктор еще больше надулся, что сделало его похожим на старую жабу, и протер краем халата одну из острых металлических спиц.

VII

Антибус исполнил свое обещание - все время Дженна лежала без сознания, не чувствуя боли и не зная ничего из того, что происходило вокруг нее. Ей сделали операцию, нога обещала срастись, и через пару дней доктор Хук обещал, что девушка вскоре вернется в себя. Пока все шло хорошо.

За все время Дженна очнулась и почувствовала боль только один раз, когда вдруг проснулась среди ночи, одна в пустой палате. Дженна вспомнила свое падение, вспомнила, как ударилась головой и потеряла сознание. Она в больнице и судя по всему ей делали какую-то операцию... На голове была повязка. С одной стороны девушка чувствовала тупую боль и то, что кожу ее головы от повязки не отделяет ничего. Она попыталась представить свою окровавленную голову на операционном столе и то, как ей отрезают длинные блестяще-темные пряди волос. Все равно... Лишь бы выжить. Пытаясь определить, что еще с ней не так, Дженна обнаружила, что не может шевелить левой ногой. Каждая попытка пошевелиться вызывала острую боль. Дженна легла спокойно, глядя в потолок. Лишь бы выжить, лишь бы все было хорошо...

Ее мысли прервало странное движение в темноте слева от нее. Там что-то было, и Дженна догадывалась, что оно было там со времени, когда она очнулась, просто она не заметила, ведь была застигнута врасплох своим состоянием и пыталась определить, насколько серьезно влипла.

К тому времени ее глаза уже привыкли к темноте, и девушка увидела стоящего возле ее кровати парня. Вид его был по меньшей мере странный - торчащие во все стороны волосы, серовато-бледная кожа, заношенная грязная рубашка и... Что это? Подтяжки?

«Дела мои плохи. У меня галлюцинации», - подумала Дженна и попыталась закрыть на пару секунд глаза, надеясь, что он исчезнет. Но когда она опять открыла глаза, парень все еще стоял над ней. Заметив, что Дженна испугалась, он слегка улыбнулся.

- Какое горе, - произнес он ровным безразличным голосом, оценивая рассматривая ее. - Но ты быстро поправишься. И хоть мы этого не можем позволить никак, скоро ты опять будешь ходить, и мы вернем тебе твои прелестные волосы.

- Кто ты? Что тебе от меня нужно? - прошептала Дженна, только после этого подумав о том, что разговаривает со своей галлюцинацией. И эта девушка мечтала стать психиатром.

- Меня зовут Пол. А кем я буду по отношению к тебе, зависит только от тебя самой. Если поможешь мне, тебе нечего будет бояться.

- Помогу в чем?.. - недоверчиво спросила девушка, но Пол не ответил. Он вдруг поднял голову, устремив взгляд в противоположную стенку. Дженна услышала рычание и тоже посмотрела в том направлении. К ним шел Антибус, и девушка апатично смотрела, как колышется со стороны в сторону огромный пушистый хвост. Она чувствовала ноющую боль во всем теле, и ее веки вдруг стали тяжелыми. Те пару минут в сознании исчерпали ее силы. Она хотела думать, что это сон, но ведь во сне люди не чувствуют боли? Да? Или нет? Она что-то такое помнила. Все равно.

Пол исчез, как только увидел Антибуса. Дженне стало легче. Она опять могла окунуться в приятную тьму, где нет ощущений. Закрыла глаза.

- Помни об уговоре, - услышала Дженна низкий рычащий голос Антибуса и опять потеряла сознание.

Больше она ничего не видела, не слышала и не чувствовала. До тех пор, пока не очутилась в Старом Королевстве.

VIII

Место, в котором она очутилась, было больше всего похоже на заброшенный больничный коридор. Было много пыли, и всюду царил полумрак. Где-то играла музыка, от которой Дженну уже тошнило.

«На-на-на-на, на-на-на-на, хэй-хэй-хэй, прооощааай».

Больше всего она сейчас хотела даже не выбраться из коридора, а просто чтобы музыка прекратилась. Хотя выбраться отсюда тоже было бы неплохо. Только не обратно в палату, туда, где она лежит, слабая и беспомощная, как тряпичная кукла. Здесь она может стоять на ногах, у нее ничего не болит, нет повязки на голове и одета она так, как была одета в день своего падения с обрыва.

«Скоро ты опять будешь ходить, и мы вернем тебе твои прелестные волосы», - вспомнила Дженна. Да, она могла ходить, и волосы ее, к слову, опять были на месте. Но сейчас ее волновал только один вопрос - где она. Правда, за пару последних дней Дженна пережила слишком много необъяснимых вещей, чтобы ломать себе над ними голову. Все, что она теперь могла - это просто воспринимать то, что происходит, как должное. Ответы придут сами в нужное время.

Оглянувшись по сторонам, Дженна не увидела никого, хотя в густом сумраке по углам легко было спрятаться. Не зная, что ей

еще делать, девушка медленно пошла вперед, надеясь узнать, что в конце этого коридора. За спиной у нее была только глухая стена и что-то похожее на старый лифт, в который Дженна не вошла бы ни за что. Мрачно улыбнулась. Уж слишком она напоминала себя в детстве, когда тихонько пробиралась ночью в туалет, в каждом углу высматривая всяческую нежить. О, как она в детстве боялась темноты, и каким чудом переборола этот страх позже. Еще она боялась некоторых кукол. Не тех аккуратных и изящных, с блестящими волосами, а старых, крупноголовых, с хитрыми глазами, грязных и как будто бы злобных. Она знала, что это смешно, но ведь потом она с этим справилась, да и страхи у каждого разные и...

Под стеной, там, где тьма была более густая, что-то лежало. Осторожно заглянув, Дженна увидела пластиковую куклу, лежащую на боку лицом к девушке. Сбоку в лысой круглой голове куклы была дырка, да и вся она была покрыта трещинами и грязью. Круглые голубые глаза тупо смотрели на девушку, одна рука была странно завернута назад, одной ноги не было.

Дженна скривилась от отвращения и отскочила от куклы. Она продолжила свой маршрут, но спиной вперед, глядя на куклу (не то чтобы было очень приятно на нее смотреть, но девушка боялась оставлять ее за спиной, как будто кукла могла подняться и на одной ноге попрыгать вслед за Дженной). Но кукла спокойно лежала у стенки, и девушка уже собиралась развернуться, когда уперлась спиной во что-то.

Первое, что она увидела, когда обернулась – крупные оскаленные клыки. Но не те изящные белые вампирские клыки, которые показывают в фильмах. Эти были скорее похожи на клыки большой собаки. Дженна отошла на несколько шагов, опять же, спиной вперед и замерла, не зная, чего ожидать дальше. Перед ней стоял Пол.

– Добро пожаловать в Старое Королевство, – произнес он и наконец-то спрятал зубы.

– Чего ты хочешь?

– Мне очень жаль... – произнес Пол, хотя сожаления в его голосе не было ни капли, и от этого сердце Дженны сжалось в тревожном предчувствии. – Я должен это сделать. Не потому, что мне так хочется.

«Я не знаю, что ты сделаешь, но вижу, что ничего такого, что было бы тебе не по вкусу. И ничего хорошего для меня», – думала Дженна. Ей стало страшно. Очень страшно. Она сделала еще пару шагов назад, и теперь была похожа на зверка, который не знает, чего именно ждать от хищника, и не может решить, убежать или защищаться до конца. Пол холодно и презрительно смотрел на ее замешательство, не двигаясь и стоя все так же спокойно и расслабленно. Дженна отошла на безопасное (по ее мнению) расстояние и постаралась спрятать испуг. Конечно, он будет очень доволен, видя ее замешательство. Надо было удрать, надо было

удирать с самого начала, но что-то не давало ей этого сделать. И виноват в этом был не Пол, точнее не только он.

- Конечно, ты не поймешь сначала, зачем это нужно, но позже ты узнаешь, что нужно это было еще как. Так что спокойнее. Все произойдет быстро и почти безболезненно.

- Нет, - выдохнула Дженна. - Ты не сможешь причинить мне вред. Сейчас я спокойно лежу на кровати в своей палате, ты не сможешь...

- А я думаю, смогу. Проверим? Ты пойдешь сама или мне отвести тебя силой?

Дженна наконец-то смогла отважиться на побег. Она рванула назад, но не успела пробежать и пяти метров, как чьи-то руки накрепко схватили ее, лишая возможности двигаться. Да, убежать было глупой идеей, но она хотя бы попробовала. Дженна безрезультатно дергалась, пытаясь вырваться. Пол крепко держал ее за руки, и она могла только молотить ногами в воздухе, не причиняя ему никакого вреда и попадая только по коленям и голени. Без труда удерживая брыкающуюся девушку, Пол рассмеялся, и смеялся до тех пор, пока она не закричала: «Антибус!» К тому времени она уже выбилась из сил, и Пол смог отпустить ее, разворачивая к себе лицом и наклоняясь к ее пылающему от злобы и полузакрытому спутанными волосами лицу. Придерживая ее за плечи, как маленькую девочку, и все еще улыбаясь, он сказал:

- Ты думаешь, Антибус тебе поможет? Он тоже знает, что так надо, и не придет. Он бы сделал это сам, но слишком уж любит загребать жар чужими руками.

- Антибус!! - не слушая его, еще раз закричала девушка.

- Дура! - рыкнул Пол, опять заходя к ней сзади и, сдерживая новый наплыв ударов, закрыл ей рот ладонью.

Дженна на минуту замолчала, переводя дыхание, и услышала прямо у себя над ухом голос Пола:

- Антибуса звать бесполезно. Он помог тебе тем, что отправил тебя сюда и помог тебе не мучиться, но эту боль ты должна будешь потерпеть, потому что даже Антибусу так нужно. Мы сделаем все, что нужно, и останемся плохими, а в нужный момент он опять придет к тебе и протянет руку помощи, делая вид, что он был ни при чем. Как тебе это? Можешь не верить, но потом ты сама увидишь.

Дженна не верила. Не хотела верить, но понимала, что должна замолчать, другого выхода нет. Если это ложь, и Антибус может ее спасти, то он придет. Тем временем Пол продолжал говорить:

- Ты своими криками делаешь хуже себе же. Доктор не любит, когда кричат. Если ты будешь хорошей послушной девочкой, то все произойдет быстро и почти безболезненно. Если нет - то плохому мальчику Полу придется зашить тебе рот ниткой с иголкой. Идем...

Он дернул ее и потащил за собой. Открыв какие-то двери, сильно толкнул ее внутрь, так что девушка еле удержалась на ногах. Закрыв за собой двери, Пол опять ухватил ее железной хваткой, и на миг под ногами Дженны исчезла опора, а в следующий

миг ее усадили, как куклу, на что-то, подозрительно похожее на операционный стол.

- Сопротивляться бессмысленно, убежать тоже. Ты же знаешь, я все равно сильнее.

Дженна ничего не ответила. Она знала.

Пол отошел в угол и, не оборачиваясь к ней спиной и не выпуская ее из поля зрения, начал доставать какие-то то ли ремни, то ли веревки.

Дженна апатично смотрела на это. Пол загоразивал от нее дверь, она устала и была напугана. Парень опять подошел к ней, усадил ее вдоль стола, на середину, и заставил ее ноги разогнуться в коленях, а потом крепко привязал их к столу. Потом попытался заставить ее лечь. Хоть она и сопротивлялась, но молчаливая схватка была ею проиграна, и через пару минут Дженна уже смотрела в грязный оплетенный паутиной потолок, опутанная веревками на уровне колен, талии и груди. В положении «руки по швам» она почувствовала, как паника красно-черными цветами распускается в ее голове, и слезы, против ее воли, текут из внешних уголков глаз, по вискам и темно-коричневым, почти черным волосам.

- Смотрите-ка, мы плачем, - в своей манере, растягивая слова, произнес Пол. - Позовите, доктора, позовите медсестру, девочке плохо и все хуже... Доктора я тебе позову. Хорошего доктора. Доктор Готтрих! - резко выкрикнул он. - Не бойся, еще недолго.

Дженна плакала, и не могла ничего с собой поделать. В конце концов, она была всего шестнадцатилетней девочкой, не наделенной железной силой воли и мужеством. Ей было страшно.

- Антибус, Антибус, пожалуйста, - сдавленно прошептала она и затихла. Она не могла знать, что много лет назад одна маленькая девочка, тоже считавшая Антибуса своим другом, точно так же звала его, вплоть до самого конца веря, что он придет. Но он не пришел в тот раз, не пришел и в этот.

- Каким это чудом она не орет? - прокряхтел вошедший в тот момент доктор Готтрих. Он подозрительно покосился на стоящего в углу Пола. - Это точно та?

- Та. Иначе я не смог бы ее привести, это ведь ясно.

- Смотри мне.

Доктор Готтрих достал свои инструменты и медленно подошел к девушке. Увидев, что над ней поднимают две угрожающие на вид штуки, Дженна не удержала крик.

- Пол, черти б тебя взяли! Я не могу в таких условиях работать! Заставь ее замолчать! Кляпом, чем хочешь...

- Нет нужды...

Пол подошел к ней и, одной рукой придерживая ее голову, указательным пальцем другой коснулся ее переносицы, как раз между глазами. Дженна расслабилась и покорно притихла, но слезы все еще катились с ее глаз.

- Вот так-то лучше... Но все равно поддержи ей голову, - пробормотал Готтрих.

Опять Дженна крикнула только когда, когда доктор с размаху опускал на ее лоб свои инструменты. Но крик был короткий и оборвался быстро.

IX

Дженна в оцепенении сидела на какой-то куче хлама в коридоре Старого Королевства. Она не помнила, как здесь оказалась, но зато помнила, как ее убили. Именно убили - она была уверена, что мертва. То, что все это ей не почудилось, подтверждали раны - она чувствовала их, касаясь пальцами лба.

Она не хотела верить, что это на самом деле. Больше всего ей хотелось сейчас проснуться, пусть даже в той ужасной больничной кровати, но такой роскоши она себе позволить не могла. Дженна просто сидела (ни Антибус, ни те ужасные люди не появлялись) и не думала ни о чем. Не могла. Мысль о собственной смерти казалась ей ужасной.

Она не услышала, как подошел Антибус, и подняла голову только тогда, когда что-то пушистое коснулось ее руки. Дженна забыла о том, что он не пришел ей на помощь. Пока ей было все равно. Она упала на колени, обвила руками шею зверя и спрятала лицо в длинной шерсти. Спокойствие и защищенность, в которых она нуждалась так давно, наконец-то разлились по телу теплой волной. Все хорошо. Все так, как надо.

Окончательно успокоившись, Дженна отпустила зверя и заглянула в его черные глаза своими темно-карими.

- Я мертва? - только и сказала она.

- Да. Так надо.

- Надо? Я должна была... умереть? Как это? - ее голос дрожал от боли.

- Я сказал, что кое-что я могу предотвратить, кое-что мне предотвращать нельзя. Ты должна была стать Счетчицей Времени, а для этого ты должна была умереть.

Дженна опустила голову, и длинные волосы почти скрыли ее лицо. Мама не любила, когда она так делала. Мама... Больше для нее нет никого. И ни для кого уже нет ее. Где-то там ее хоронят, но она не могла думать о таком. Как это мертва? Вот же она, думает, чувствует, видит...

Мельком взглянув на Антибуса, Дженна заметила, что он держит что-то в пасти, и отвлеклась от своих мыслей. Зверь вытянул шею, как будто подсказывая ей, что стоит взять эту вещь, и Дженна увидела, что это - колокольчик на толстой нитке, которую Антибус держал в пасти. Девушка протянула руку, а зверь отдал ей колокольчик.

- Что это? Зачем?

- Одень на шею и иди со мной. Ты все увидишь.

Дженна больше ничего не спрашивала, молча надела колокольчик и направилась вслед за Антибусом, тревожно оглядываясь. Но ни

доктора Готтриха, ни его ассистента видно не было, да и с Антибусом девушка их все-таки не боялась.

Х

Анабель Фокс впервые за целую неделю, проснувшись, не почувствовала боли. Рядом с ней никого не было, и женщина вспомнила, что перед тем, как уснуть, отправила Хлою спать, ссылаясь на то, что ей уже немного лучше. В последнее время у нее было только два желания – чтобы головная боль ушла (конечно, ей давали обезболивающее, и в это время она старалась засыпать, но очень скоро боль будила ее опять), и чтобы доктор Стегман перестал появляться в ее палате. Он раздражал обычно спокойную и терпеливую Анабель своей нервозностью и грубым обращением с пациенткой, которой более всего нужен был покой. После операции он стал еще агрессивнее, но становился сдержанным, когда возле Анабель сидела дочь. В сердце женщины закралось подозрение, что он совершил какую-то ошибку, ведь боли, которые должны были прекратиться, только усилились (хотя ее, конечно, убеждали, что это нормальное явление после операции, и все пройдет совсем скоро).

В палате было темно, и Анабель закрыла глаза. Она собиралась побыть в приятной полудреме и насладиться отсутствием боли. Спать ей не хотелось. Она не пролежала и десяти секунд с закрытыми глазами, и, конечно же, не могла за это время уснуть, у нее даже не было этого желания.

– Антибус, – вдруг услышала она возле своей кровати и медленно открыла глаза, поворачивая голову на звук. – Мы ведь поможем ей, я знаю, мы это можем.. Правда?

Возле своей кровати Анабель увидела большого коричневого зверя, похожего на муравьеда, но ни капли не испугалась, как будто знала, что он должен был появиться. Ей было спокойно. Возле зверя стояла девушка черном платье, немного старше, чем ее Хлоя. У нее были усталые темные глаза, бледная кожа, и очень темные длинные волосы, закрывающие лоб, и спадающие на плечи, грудь и спину.

– Я уже ей помог, избавив от боли. Но больше мы ничего сделать не можем. Это все. Ты должна позвонить в колокольчик.

Девушка напугано и сочувственно посмотрела на женщину и подняла колокольчик.

Анабель не боялась. Она знала, что будет, когда эта девочка позвонит в свой колокольчик, но не боялась. Ей лишь жаль было Хлою, но если так должно было произойти... Теперь хотя бы не будет больно. Больше никогда. Откуда-то она знала, что дальше все будет хорошо, что она хотя бы не застрянет в темном отвратительном месте, как эта бедная девочка.

– Не бойся, милая, звони в свой колокольчик. Я готова. Мне не страшно.

Девушка на миг опустила колокольчик, подошла к кровати Анабель и положила белеющую из-под рукава платья руку на худую

руку женщины. Оглянулась на Антибуса, потом с сожалением посмотрела на Анабель и опять подняла колокольчик.

XI

В коридоре опять играла та же песня, которую Дженна слушала в день своего падения с обрыва и в день, когда ее убили. Дженна подняла голову вверх, на источник звука. Возле динамика вспыхнули голубоватые искры, прозвучало короткое шипение, и музыка оборвалась.

- Неплохо, очень даже неплохо, ты быстро здесь освоилась.

«Опять он. Почему он за мной ходит?», - подумала Дженна и обернулась, суженными глазами наблюдая, как к ней приближается Пол.

Она злилась. Антибус опять исчез, как только отправил ее Старое Королевство (а она все еще не умела путешествовать между королевствами). Ей здесь не нравилось. Она хотела к людям, хоть они и не могли ее видеть. В конце концов, так она провела почти всю жизнь, в компаниях оставаясь незаметной, и почти везде и всегда занимала позицию наблюдателя, вмешиваясь только когда у нее были на то особые причины. Дженна хотела наблюдать, как живут эти люди, что они делают.

А еще ей с головы не выходила та бедная женщина. На вид ей не было и сорока. Дженне не нравилось то, что она должна была делать. Та женщина была хорошая.

- А мне скучно, - сообщил Пол. - Я так надеялся, что она застрянет. Тогда мне бы было кого пугать, гонять по коридорам и всякое такое. Так много шуток, так мало объектов для них.

- И поэтому ты пришел ко мне.

- Нет, у меня к тебе более серьезное дело.

- К сожалению, не имею желаний даже спрашивать, какое, - прохладно сказала Дженна и развернулась, собираясь уйти, но остановилась, услышав:

- Ты будешь бесцельно бродить по этому коридору. Тебе грустно и всякое такое. Более всего ты сейчас хочешь пойти в госпиталь, но ты не можешь этого сделать. Правда? Конечно, да. И я могу тебя туда вывести. Мне нужно тебе кое-что показать.

Мысль о том, чтобы вернуться в госпиталь, казалась невероятно заманчивой, но лучше было бы быть в Старом Королевстве без Пола, чем в госпитале с ним. Дженна боялась его, хотя знала, что ничего особо страшного он уже с ней не сделает. По крайней мере, не убьет точно. Но ей не нравилось его рвение вести ее куда-то.

- Чего ты хочешь от меня?

- Ничего такого, что было бы против твоей воли. Для начала я хочу направить твои мысли в нужное русло. Ты подумаешь над моим предложением, и тогда - кто знает... Может, тебе больше не придется меня бояться. Это зависит от твоего решения, конечно.

Дженна рассмеялась.

- Я и так тебя не боюсь.

- Ну уж не думал, что ты такая лгунья! Стыдно, стыдно. Ты считаешь, что раз ты мертва, я больше не смогу причинить тебе

боли? – теперь уже Пол рассмеялся. – Советую тебе этого не проверять. Я заставлю тебя это сделать, но я просто хочу дать тебе шанс подумать своей головой, все свесить и решить, так уж плохо то, что я прошу, или тебе не жаль себя и моего времени.

– Не пытайся меня запугать.

– Это крайний способ. Мне этого не хочется, но вдруг придется? Поверь, мое предложение не так уж плохо.

– Антибус больше меня не оставит. Я ему нужна.

– Я всегда говорил, что Антибус – проблема, но проблема решаемая. Раз я ее почти решил, но мне не повезло. Не думаю, что так будет и дальше. И на нашей улице будет праздник, да?

– Ты не сможешь сделать ничего плохого ни ему, ни мне.

– Будем надеяться, что мне не придется. А теперь, вместо того, чтобы тратить время на лишние слова, идем со мной. Сама все увидишь.

– Я никуда не пойду, пока ты мне не скажешь, чего ты хочешь от меня.

– О, это мелочи, – ответил Пол, улыбнулся, и сделал жест, будто звонит в колокольчик. Не дожидаясь ее реакции, ухватил девушку за руку, и они растворились в пыльном воздухе Старого Королевства.

XII

Дженна даже толком не успела разглядеть комнату, в которой они очутились. Ее внимание привлекло что-то странно напоминающее маленькую копию кладбища с торчащими во все стороны крестами. Не обращая внимания на Пола, она подошла, чтобы рассмотреть поближе. Рядами были выставлены маленькие, наполненные землей емкости. В каждой ячейке в землю была воткнута палочка с написанным на ней словом, судя по всему, это были фамилии. Также во многих ячейках кроме палочек были небольшие кресты, на них тоже были написаны фамилии. В некоторых ячейках не было крестов, в некоторых – было пару штук, немного. Дженна сразу обратила внимание на ячейку, в которой было больше всего крестов. На палочке, воткнутой рядом с крестами, было написано большими печатными буквами: «СТЕГМАН».

– Вот умница, сразу обратила внимание на то, что я и хотел тебе показать. Хм... Хук работает, как говорят сейчас, оперативно, – Пол показал ей на ячейку с надписью «СТЕГМАН», и Дженна сразу заметила крест с надписью «АНАБЕЛЬ Ф.».

– Это та женщина?..

– Да, она. Это хобби Хука. Он завел ячейки на всех докторов госпиталя. На палочках написаны их фамилии. Кресты – это врачебные ошибки. Видишь, у кого их больше всех? Думаю, да. Когда я был здесь в последний раз, крестов было на один меньше. Последним был вот этот, – Пол показал ей крест с надписью «МОНА К.». – За Мону его собирались судить, и даже на некоторое время лишили прав оперировать. Не знаю, как Стег это уладил, но судя по всему, он опять вышел сухим из воды. Или не совсем. В этой

больнице про Мону все знают, а тут еще и эта женщина. Конечно, он уедет куда-то совсем скоро. И натворит там новых чудес.

Он сделал паузу. Дженна все еще смотрела на кресты, и он повернул ее лицом к себе, придерживая за плечи, и наклоняясь к ней, так как девушка была ниже его. Таким образом, его глаза оказались прямо напротив ее глаз, и Дженну это бесило. Этот жестокий, но холодный взгляд лишал ее возможности двигаться, прорезал, будто ножом, ее сознание и подчинял себе.

- Послушай, некоторое время в этом госпитале никто не умирал. Я мог бы убить Стега пару недель назад, когда обстоятельства были на моей стороне, но потом черный шум исчез, и я больше не мог ничего сделать. Тебя я убил, потому что так нужно было Антибусу. Теперь, чтобы убить кого-то, нужно или вызвать черный шум, чего я не могу, или заставить Счетчицу Времени позвонить в колокольчик в нужный момент, что я могу. Антибус решает, ты убиваешь, если ты еще не поняла...

- Я поняла. А теперь решать хочешь ты.

- Хотя бы один раз.

Он сделал паузу. Дженна молчала тоже. Она только сейчас заметила, что в помещении играет музыка, наверное, доктор Хук был где-то рядом. Она даже знала эту песню.

«Когда ты видишь себя в переполненной комнате, чешутся ли твои пальцы, задыхаешься ли ты? Сдержишь ты себя или выплеснешь эмоции? Думаешь, она будет засыпать с чувством паники?»

Дженна освободилась от державшего ее Пола и подошла к кровати. Села и сложила руки на коленях, задумавшись. Пол сел возле нее, и краем глаза Дженна видела, как он сверлит ее глазами, будто пытаясь сказать: «Ну, давай же, давай, решай скорее, да или нет, нет или да, вишневое или малиновое!»

Она вздрогнула. Была почему-то уверена, что именно это он и сказал. Хоть и не вслух. Ей опять стало страшно. Музыка мешала ей. Ей хотелось подумать, подумать спокойно.

- Почему ты подумал, что я на это соглашусь?

- Потому что ты справедливая. И тебе жаль всяких Мон К. и Анабель Ф., пострадавших от халатности наглого и самоуверенного идиота, ведь правда? Ты вспыльчивая на самом деле. Чем-то похожа на доктора Хука, с его детскими попытками восстановить справедливость в один прекрасный день. А еще, - Пол пододвинулся к ней ближе, и сказал совсем тихо, как страшный секрет:

- Засранец, если ты хочешь есть, то купи себе еды, и ешь, пока не поперет через уши. Я бы вообще не давала таким сволочам ружье в руки. Ты и перышка не стоишь тех лебедей.

По телу Дженны прошел озноб. Это были ее слова. Она наговорила все это год назад, когда узнала, что лебедей, живущих на пруду недалеко от ее дома, кто-то убил. Она не знала кто, но все равно высказала этот монолог в никуда, потому что была очень, очень зла. И Пол повторил все слово в слово.

- Откуда ты?.. - она не успела договорить, изумленно поворачиваясь к парню. Он молча коснулся пальцами ее лба.

- Вы все открываете свой мозг, когда паникуете или несчастны.
- Вот как? И что ты еще там увидел, кроме этого эпизода? – холодно спросила Дженна.

- Тебя. Малую часть, но этого достаточно.

- Сейчас ты тоже утаскиваешь мои мысли?

- Сейчас нет. Ты их закрыла. Была открыта, когда паниковала. Тогда мысли сами просились быть услышанными. Эй, эй, чего ты так испугалась?

- Слышал что-то интересное?

- Может быть, – клыкасто улыбнулся Пол.

Дженна скептически улыбнулась, но не успела она ответить, как Пол заговорил опять:

- Но мы отошли от темы. Думаешь, Антибус не делал ничего подобного? Рассказать тебе о бесплатной пересадке сердца?

- Что?..

- Спроси его сама. Ведь мне все равно не поверишь.

Дженна медленно поднялась с кровати, но Пол ухватил ее за край платья и усадил обратно.

- Мне нужен ответ.

- Не трогай меня. Зачем ты делаешь это все? Я недавно умерла. Знаешь, как жутко это осознавать? Думаю, когда-то знал.

- И вовсе ты не несчастна, – с ленивой улыбкой заявил Пол. Дженна удивленно изогнула бровь.

- Это еще почему?

- Потому что тебе так комфортнее, чем было при жизни. Ты боишься меня и Старого Королевства, но это ненадолго. К Старому Королевству ты привыкнешь. Ты ведь любишь одиночество. Любишь оставаться незамеченной. При жизни тебя раздражали большие толпы, ты любила сидеть дома одна в комнате, правда? Вот теперь ты одинока, как и хотела. Иногда к тебе приходит Антибус, и тебе есть с кем говорить, когда ты хочешь говорить. Но все равно такое времяпровождение тебе надоест, ведь ты здесь навечно. Если ты pomoжешь мне, то тебе не будет скучно. Мы будем хорошей командой.

- Не будем.

Он резко и крепко ухватил ее за предплечье.

- Мне надоело тебя уговаривать! Я сказал, у меня есть метод, как тебя заставить слушаться.. Хочешь ты этого или нет, но скоро будешь подчиняться мне и только мне!

Последние слова утонули в громком рычании. Дженна оглянулась и увидела Антибуса, оскаливающего длинные острые зубы. Он медленно двинулся к Полу, и парень попятился.

- Тварь, – рыкнул он, быстро разворачиваясь и исчезая в противоположной стене.

Дженна благодарно улыбнулась, провела рукой по загривку зверя, и когда доктор Хук вошел в свою комнату, там не было уже никого.

XIII

Мона Клингерман сидела на своей кровати, расшатываясь вперед-назад. Раньше ее можно было даже назвать хорошенькой, сейчас ее пустое выражение лица и большие, будто бы устремленные внутрь себя глаза, пугали.

Обычно она мало реагировала на происходящее вокруг нее, и теперь никак не отреагировала на появление перед ней девушки в черном платье. Даже несмотря на то, что девушка вошла в комнату сквозь дверь, не открывая ее.

Дженна села перед девочкой на кровать и испуганно наблюдала, как Мона раскачивается, глядя куда-то сквозь нее. Хотя Дженна откуда-то знала, что девочка видит ее.

«Боже, какая она была красивая, наверное. Такая милая маленькая девочка... И она искалечена на всю жизнь. Это ужасно. Если бы не он... Господи, зачем я вообще сюда пришла?!»

Мона раскачивалась, в темных глазах была черная пустота, отсутствие мыслей, отсутствие эмоций. Она была похожа на большую куклу.

«Ты вспыльчивая, на самом деле», – вспомнила она слова Пола.

Дженна резко сорвалась с кровати Моны. Она больше не могла на это смотреть. Она разрывалась между желанием отомстить за бедную девочку и страхом переступить черту.

XIV

– Тварь вонючая... Ну подожди... В этот раз я придумаю для тебя что-то получше. Что-то более интересное, да-да. Здесь уже нет добреньких художников, которые могли бы тебе помочь. Только девушка, которая после того, как ты подохнешь, станет беззащитной, и тогда... – бормотал Пол, прохаживаясь вокруг своего бассейна в Старом Королевстве. Он только что возобновил силы, и теперь давал волю злости, закипающей внутри него. Но почувствовав чье-то приближение, Пол остановился и замолчал. Затылком он почувствовал что-то вроде слабого дуновения ветра, иногда сопровождающее появления призраков. Чаще всего злых призраков. Или отчаянных.

Резко обернувшись, он увидел Дженну, протягивающую ему свою тонкую руку. Ее глаза были тревожно расширены.

– Что я вижу? Неужели ты... Решилась?

– Только одно условие. Мы с Антибусом отведем его туда. Он не застрянет здесь.

– Эй, но так ведь неинтересно!

Дженна смотрела на него в упор и без улыбки.

– Тогда он будет жить.

Пол промолчал. Все, конечно, было не совсем так, как он хотел, но... Свое он получит, правда? Увидит, как Стег высаживает себе мозги. О да. Он собирался насладиться этим. Убедить Дженну оставить Стега в госпитале Пол не мог, он это знал. Она и так решила на многое.

– Дай мне руку, – без тени улыбки тихо сказала Дженна. В этот момент она поразительно напомнила ему Мери.

Пол решил не спорить. Возможно, в следующий раз. А сейчас одно неосторожное слово – и она передумает. Поэтому Пол взял ее руку и помог Дженне пройти вместе с ним в госпиталь.

Они оказались прямо в кабинете Стега, в аккурат за его спиной. Дженна все еще сжимала руку Пола. Казалось, она отчаянная и напуганная тем, что собирается сделать, поэтому пытается найти поддержку хоть где-то. Сначала Пол хотел тряхнуть рукой, чтобы она перестала за него цепляться, но потом решил, что лучше держать ее рядом. Вдруг убежит. И, хоть это было совсем ему не по вкусу, он сам сжал ее руку. Сейчас они были похожи на брата и сестру.

Стегман сидел за своим столом, уронив голову на руки, и тихонько разговаривал сам с собой. Пол и Дженна подошли ближе, прислушиваясь.

– Да... Да... Опять... Я же... Это ведь не я... Рентген... Чертов анестезиолог... Как в тот раз, опять как в тот раз... Здесь невозможно работать... Невозможно... Хук... Он опять... Я знаю, я знаю, все начнется сначала... – лепетал он.

Дженна взглянула на Пола и увидела, что тот неотрывно смотрит на Стега с самодовольной улыбкой на лице. Внутри ей все неприятно сжалось. Она вырвала свою руку из его ладони, но не отступила ни на шаг.

– А если бы ты еще тогда убил себя, всего этого не было бы, – медленно произнес Пол.

– Да, не было бы... – промямлил Стег, повторяя слова Пола.

«Какой же он жалкий. Но разве у меня есть право решать... Тсссс. Ты решилась. Вспомни, скольких он искалечил».

– И Хук больше не будет издеваться над тобой. Да, сейчас он думает над новым планом, как еще больше унижить тебя. И этот план полетит к чертям.

– К чертям...

– Он будет зол.

– Да, зол...

– Но он больше никогда не будет унижать тебя. Да, и он почувствует себя виноватым.

– Виноватым...

«Боже, как он на это ведется? Наверное, он действительно на грани нервного срыва, догадываюсь, это заслуга Пола. Как мне все это не нравится... Тссс. Вспомни Мону. Он сделал ее похожей на тряпичную куклу. Наслаждайся».

– Да, они все почувствуют себя виноватыми. А ты больше не будешь мучиться. Больше никогда.

– Больше никогда.

Стег взял со стола револьвер и дрожащей рукой поднес к виску. Дженна отвела взгляд. За окном шел дождь. Странно, как это она раньше не заметила. Потoki воды выливались на стекло. Приятный стук капель и шум. Как же она любила дождь. Дженна смотрела в окно, пытаясь не думать о том, что здесь происходит. Она дрожала, ожидая с минуты на минуту услышать выстрел. Но этого не

произошло, и Дженна осмелилась посмотреть на Стега. Он опустил револьвер и всхлипывал, как ребенок.

- Стеееег, - игриво протянул Пол, будто напоминая, что тот забыл что-то важное.

Револьвер опять поднялся в воздух, и дуло прижалось к виску.

- Властитель всего - Император Мороженого! - вдруг произнес Пол и засмеялся. - Звони, детка, ну же.

Дженна непослушной рукой подняла колокольчик. Она начала это, и должна довести до конца.

Красивая молодая еще женщина, лежащая в больничной палате. Ей было так больно, пока не пришли они с Антибусом. И бедная Мона, до конца жизни обреченная быть такой. И много-много крестов в наполненной землей емкости. Много-много фамилий, написанных черными печатными буквами. Из-за него.

В напряженной тишине раздался звон колокольчика.

И выстрел.

Когда луна утихла, Счетчица Времени все еще звонила в свой колокольчик, неотрывно глядя в окно.

За окном лил дождь.

XV

В пустом коридоре Старого Королевства не было тихо. Коридор наполнился тихим детским плачем, пробирающим до костей. В Королевском госпитале на миг погас свет, и все работники остановились, оглядываясь и пытаясь определить, откуда доносится плач. Он витал в воздухе, создавая странную луну и, казалось, звучал везде.

Дженна хныкала, сидя под стеной. Возле нее лежал Антибус, и девушка невнимательно гладила его, всхлипывая. Что-то будто сдавливало ее внутри, и Дженна знала, что это чувство не отпустит ее еще долго. Может быть, будет всегда с ней. Свою черту она переступила. И она не знала, исправила она что-то или нет. Что было бы, если бы она не сделала этого? И что изменилось теперь?

Потихоньку ее плач стал утихать. В госпитале перестал мерцать свет, и луна, витающая в воздухе, утихла. Дженна спала, опираясь на бок Антибуса. Все-таки она была еще ребенком. И останется ребенком навсегда. Дети всегда хорошо засыпают после слез, даже когда на них слишком много сваливается горя.

Из-за угла выглянул Пол, издали наблюдая за неподвижно лежащим Антибусом и спящей Дженной. Он слегка улыбнулся. «Ты говоришь, больше никогда этого не сделаешь? Увидим, увидим. Ты не такая, как Мери. А ты, Антибус.. Спи, пока можешь, тварь...»

Зверь тихо рыкнул, будто ощутив чье-то присутствие. Пол улыбнулся еще шире и исчез. В коридоре опять заиграла музыка.

«Когда ты видишь себя в переполненной комнате, чешутся ли твои пальцы, задыхаешься ли ты? Сдержишь ты себя или выплеснешь эмоции? Сможешь уснуть с чувством паники?»